

О людях хороших

ЖИЗНЬ В ТЕАТРЕ

САМ ПО СЕБЕ интересен старый человек, имеющий необыкновенную биографию, за плечами которого беспокойная, наполненная событиями жизнь. И вдвое интересен человек, который в свои восемьдесят пять лет не думает сдавать в архив трудовую книжку, остается при любимом деле. Таков Григорий Григорьевич Евдокимов — машинист сцены краевого театра кукол.

...В театр кукол невозможно проникнуть, минуя вахтера. А он (обычно бабушка в очках и при вязальных спицах) начинает дотошно выпрашивать вас, и не столько по служебной части, сколько из чистого любопытства. Выслушав длинные объяснения, свисходит: «Сейчас позову...» И вот из декорационной, если так можно назвать заваленную размалеванными листами фанеры комнатушку — фантастические деревья, избы с чадающими трубами, озера, облака, вышел маленький старичок: тронутая седина голова, щетина усов топорщится в стороны, а глаза блестят молодо, сосредоточенно.

Поначалу он хмурился: недосуг, мол, ну, а потом, как и всякий человек его возраста, которому давненько ни с кем вот так не приходилось поговорить — в театре он давно, и здесь все знают в подробностях его историю, — разговорился.

...Медленно разбегается в стороны бархатный занавес, оголив сцену. Приятной прохладой дохнул в зал зимний дремучий бор. И снежинки, кружась, легким пухом падают на землю под неярким светом лампы. Зал молчит и, как замороженный, смотрит на сцену. Потом вдруг взрывается громом оваций. Но кому же аплодируют, ведь действие спектак-

ля «Великий волшебник» еще не началось? Аплодируют художнику. Он стоит за кулисами, невидимый зрителю, внешне спокоен, и только глаза чуть заметно блестят на старческом, покрытом сетью морщинок лице. Потом, прервав действие, на сцену выходит режиссер Приморского ТЮЗа и сообщает, что художнику театра Григорию Григорьевичу Евдокимову, так прекрасно оформившему этот спектакль, исполнилось нынче семьдесят лет со дня рождения и пятьдесят лет непрерывного творческого труда в театре. И снова гром аплодисментов. Это было пятнадцать лет назад, в 1957 году.

А началось все с тяги к рисованию. Отец определял смысленного тринадцатилетнего паренька, уже окончившего реальное училище, в мастерскую церковной росписи города Курска. За четыре года Григорий научился писать и по холсту, и по дереву.

— И стал бы я неплохим иконописцем, если бы не встреча с Иваном Ефимовичем Иголкиным... Дай, припомню, в каком году это было... Да, точно. В девяност четвертом...

Григорий Григорьевич, несмотря на годы, отчетливо помнит каждый штрих, каждую дату, каждую фамилию, имя, отчество. А если вдруг забывает, то смущается и долго-долго роется в эффектной кожаной папке, где собран весь семейный архив Евдокимовых. Чего только нет в этой пухлой, чуть моложе самого хозяина, папке: фотографии, афиши спектаклей, оформленных художником Евдокимовым, письма, рекомендации, пожелтевшие от времени газетные вырезки, множество поощрительных грамот и фамилии, фамилии, фамилии... — Так вот, Иголкин. Был

у нас такой художник в местном театре. Писал он как-то в парке декорации, я подошел и попросил попробовать. Он пожал плечами, но кисть дал...

И не пожалел потом об этом дне И. Е. Иголкин. Талантаивый декоратор сразу заметил творческую жилку в этом упрямом пареньке и помог ему определить свой дальнейший жизненный путь. Это и было для Григория Григорьевича началом дороги в театр.

Молодой декоратор быстро рос в своих творческих успехах. Оформленные им спектакли вызывали всеобщее одобрение публики, и И. Е. Иголкин после закрытия сезона в Курске забирает с собой Григория Григорьевича в Москву. Несмотря на юный возраст (исполнилось тогда Евдокимову восемнадцать лет), его сразу же принимают на третий курс художественной студии К. С. Коровина при Большом театре. Быстро пролетели два года учебы, и вот уже студия рекомендует художника-оформителя в Театральное общество. Начинается самостоятельная работа художника Евдокимова.

— На всю жизнь мне запомнились первые спектакли, оформленные самостоятельно, — рассказывает Григорий Григорьевич. — В 1907 году мне предложили оформить сразу два спектакля — «Дети солнца» М. Горького и «Дядя Ваня» А. Чехова. Обе пьесы новые и сложные, а денег на оформление нет. Ни материала для декораций, ни красок. Вызывает меня хозяин и говорит: «Вот тебе деньги на анилин, раскрась, мол, тот, что в кладовой, а для декораций подберешь детали из старых щитов и станков». Спорить не пришлось, кроил, выдумывал. Вла-

жил все умение, и декорации получились. После журнал «Рампа и жизнь» на полстала хвалебный отзыв напечатал.

Способный молодой декоратор работает сезонно в Вологде, Нижнем Новгороде, Тбилиси, Керчи, Ростове-на-Дону, Вятке, Курске... Революция 1917 года застала Григория Григорьевича в Петрограде. Он принял ее без колебаний и пошел по ее дорогам. И только в 1922 году ему удалось вернуться в театр. А до этого — годы службы в Красной Армии, бои на Перекопе, ранение.

В 1927 году Курский театр оперы под руководством В. Ф. Комиссаржевского (дяди знаменитой актрисы) дал спектакль в честь 20-летия трудовой деятельности Г. Г. Евдокимова на сцене. А в конце спектакля зрители долго еще не отпускали вышедшего из-за кулис юбиляра.

И снова он работал, думал над оформлением все новых и новых спектаклей. В 1938 году в Москве набирался состав для театра на Дальнем Востоке. Григорий Григорьевич с радостью откликнулся на приглашение войти в труппу главным художником.

Наверное, до сих пор помнят старожилы Приморья знаменитый агитационный поезд 30-х годов, костяк которого составляли артисты Театра угольщиков Сучана: режиссер Алексеев, Самарин-Волжский, Барский, М. Е. Федорова (ныне здравствующая супруга Григория Григорьевича), П. Г. Попов. В 1946 году, после закрытия Театра угольщиков, Евдокимов приглашает к себе Приморский краевой театр им. М. Горького. Затем работа художником-оформителем в ТЮЗе, здесь и отпраздновали семидесятилетний юбилей Гри-

гория Григорьевича и полвека его работы в театре. Тут впопыху бы уйти, как говорится, на заслуженный отдых, но...

— Я не представляю себе жизни вне театра. Я не могу спокойно сидеть дома, сложа руки, не могу жить без запаха стolarsного клея, свежеструганых брусков, запаха красок. Я не представляю себя вне театра. Наверное, потому и живу...

Владивостокский театр кукол принял Григория Григорьевича в качестве машиниста сцены («Я согласен хоть на вахтера, — говорит Евдокимов, — лишь бы в театре...»). Чувство того, что ты еще нужен людям, не покидает Григория Григорьевича ни на минуту. А спокойно сидеть ему не дают: то нужно изготовить игрушечные автоматы для кукольного спектакля «Восставшие джунгли», то сделать декорации, то...

Не забывают Григория Григорьевича его старые друзья из Приморского отделения Союза художников, а Б. В. Локтин, главный художник театра им. М. Горького, считает себя учеником Евдокимова.

Нет, наверное, такого театра в Приморье, который бы не был благодарен Григорию Григорьевичу Евдокимову за то доброе, что он сделал для него. И поэтому каждая новая премьера любого из театров края — премьера и Григория Григорьевича Евдокимова.

...Сумерки опустились на город у моря. Вахтер, шлепая по полу, зажег свет. А Григорий Григорьевич все рассказывал. Перед ним лежал лист фанеры, на котором он время от времени, по ходу рассказа, пояснял, чертил то устройство занавеса Мариинского театра, то установку, производящую громовые раскаты, то эскиз декорации к какому-то спектаклю. И глаза его при этом светились радостью, рука привычно, чуть дрожа, держала карандаш, а усы топорщились в улыбке...